Лавка красоты «Маргаритки»

Автор:
Анастасия Королёва

Лавка красоты «Маргаритки»

Анастасия Королёва

Новость о наследстве, да в самой столице – это ли ни счастье? Оно самое! Я и радовалась, пока не узнала, что к прекрасному известию прилагается таинственное исчезновение предыдущей хозяйки, сомнительные личности, захаживающие по ночам без приглашения, и Серый квартал, где и стоял покосившийся домик, названный громким словом – наследство.

Думаете, после всего этого я сбежала? Как бы ни так!

В Сером квартале тоже можно жить, личности, ну-у-у, не такие уж они и сомнительные, местами даже симпатичные, а тайна исчезновения… Вот с ней не получится так просто. Её придётся разгадать.

Но главное я смогу осуществить свою мечту – открыть лавку красоты!

Анастасия Королёва

Лавка красоты «Маргаритки»

Глава 1

Когда просыпаешься поутру под крики петухов и несёшься сломя голову к сараю, где в ожидании своей участи на телеге томятся овощи и фрукты, совсем не думаешь, что новый день преподнесёт неожиданный сюрприз. Честно говоря, ты вообще ни о чём таком не помышляешь, разве что мечтаешь вновь оказаться под штопанным одеялом, и проспать ещё как минимум пару-тройку часов.

– Криска, живей давай! – зычный голос дяди Росма разом выветривает из головы остатки сладких мечтаний, и я поторапливаю Кроху, старую клячу, которую давно пора отправить на заслуженный покой.

– Пойдём, моя хорошая, скорее, – уговариваю, поглаживая по впалым бокам. Кроха смотрит на меня укоризненно, кажется, даже нашёптывает какие-то ругательства, шамкая полными губами, но всё же сдаётся и нехотя переставляет копыта.

– И сколько тебя ждать? – дядя Росм недоволен. Впрочем, к его вредности и бесконечному ворчанию я уже привыкла. Как и к холодному взгляду под густыми бровями, и к брезгливому выражению лица. Ведь он так часто любит повторять, что сиротка в моём лице – это невыносимая ноша, от которой дядя бы с радостью избавился, найдись другие мои родственники. Но родственников не нашлось, поэтому этот крест он нёс единолично, упиваясь жалостью к себе.

Помимо привычки выслушивать брюзжания старика, я так же научилась молчать в ответ на его колкие высказывания, хотя последнее даётся мне с большим трудом.

– Все лучшие места на рынке расхватают, и я останусь ни у дел, – усаживаясь на козлах скрипучей телеги, дядя Росм никак не желает успокаиваться.

А я что? Я ничего. Право слово, будто он не знает, что где бы мы ни встали, всё равно вернёмся домой без овощей и фруктов, зато с кошелем, плотно набитым золотыми да серебряными монетами.

Так уж повелось, что урожай у нас всегда удавался на славу. Не только с виду красивый да ладный, но ещё и вкусный. Дядя, когда сменит гнев на милость, будет гордо выпячивать грудь и хвалиться перед соседями, а я… Буду посмеиваться, потому что, как бы то ни было, моей заслуги в этом куда больше. Не зря же от матери унаследовала природную магию, которая не только с

цветами позволяла общий язык находить, но и со всем, что растёт из земли.

Но до дядиной милости ещё дожить нужно и, желательно, копыта не откинуть вслед за Крохой. На рынке придётся трудиться не покладая рук.

Пока ворчун не начал вновь бурчать на меня, запрыгиваю на телегу и усаживаюсь между ящиками с мясистыми сливами. Не очень удобно, зато пахнет вкусно, да к тому же, здесь дяде Росму не видно, как я украшаю листочками несколько баночек с жидкой мыльной пеной, мазями и маслами. Стебельки послушно тянутся за моей рукой, аккуратно обвивают крышки и бока сосуда. И что немаловажно, эти стебли и листочки ещё долго не завянут, – я им отдаю частичку силы, которая будет жить в них до тех пор, пока баночки не опустеют.

Тяга к созданию всяких пахучих масел да мазей я обнаружила в себе давно, когда ещё деревья казались гигантскими исполинами. Мама любила тогда говорить, что меня ждёт прекрасное будущее, но мамы, как и отца – не стало. И прекрасное будущее превратилось в ворчащего дядю Росма и исподволь сделанные мази.

На рынок мы прибыли вовремя. И место нам досталось если не у самой Башни Удачи, то едва ли в десяти шагах от неё. Хорошее место, бойкое.

Дядя смотрит на меня искоса, но о благодушии и речи не идёт – он всё так же хмурит брови, и закладывает руки за спину, отчего становится похожим на городового, готового заключить под стражу очередного нарушителя спокойствия нашего маленького городка.

К слову, о городовом. Стоило о нём обмолвится, пусть и мысленно, как он лёгок на помине. Идёт между рядов, важно кланяется на громкие приветствия торговцев и сладкие улыбки их жён и дочерей. Вот шаи Милдор подходит к нашему раскладному столику, на который мы уже водрузили большую часть ящиков, кивает дяде Росму в приветствии, сухо отвечает на мой поклон, как бы вовсе считая меня недостойной его почтенного внимания. Но это напускное, я-то знаю для чего он подошёл.

– Как, – басистый голос хрипит, и шаи Милдору приходится прокашляться, прежде чем продолжить. – Как оно? Ничего?

Дядя Росм неодобрительно косится на меня, но отвечает учтиво:

– Ничего, ничего, – кивает, как болванчик, будто слов для ответа вовсе недостаточно.

Тем временем, пока мужчины обмениваются пустыми фразами, я складываю в холщовую сумку три яблока, пару помидор, баночку с кремом от морщин, а сверху укрываю её несколькими точёными огурчиками и пучком душистой мяты.

– Примите от нас подарок, – пряча улыбку, протягиваю городовому сумку.

Он премило краснеет – на щеках появляются розовые пятна, а на лбу испарина. Пытаясь наспех избавиться от второго, шаи Милдор проводит рукавом по лицу, затем почему-то смущается этого жеста и краснеет ещё сильнее. Даже на ушах виднеется бардовая полоска и по шее ползёт россыпь свекольных пятен.

– Что вы, не стоит, – начинает отнекиваться, хотя сам уже протягивает руку. И я, подойдя ближе под благовидным предлогом, быстро говорю:

– Используйте только на ночь.

Он кивает, улыбается как-то кривенько, через силу, и протягивает мне две серебряные монетки. Держит дрожащими пальцами и ждёт, что от платы откажутся. Но это он зря – кто ж в здравом уме отмахнётся от заслуженно заработанного? Уж точно не фея, пусть волшебной крови в ней лишь наполовину.

– Хорошего дня, шаи Милдор, – беру монетки, ловко прячу одну в неприметном кармане, а вторую несу дяде Росму. Чтобы поменьше хмурился, а то доживёт, я и ему начну мази от морщин варить. Правда, сомневаюсь, что эти мази он будет использовать по назначению, скорее уж начнёт швыряться ими в меня, чтоб неповадно было всякую непотребщину предлагать.

– Опять ты за своё, – ворчит дядя, когда городовой скрывается за широким основанием Башни Удачи, но от монетки не отказывается. И кровь лесного народа тут не при чём – дядя хоть и человек, а денюжку любит похлеще любой феи. Да что там феи, он в своём сребролюбии и с гномами мог бы

посоревноваться. И выиграл бы, будь уверен.

Спустя какие-то четверть часа рыночную площадь наводнил разномастный люд. Господские служанки, зажиточные горожане и те, кому не так повезло со звонкой монетой в кармане. Они ходили, смотрели, громко судачили то обсуждая свежие сплетни, то пытаясь выторговать кусок пожирнее да по дешевле. Но беззаботнее всех выглядели воришки-карманники. На лицах улыбки, и походка эдакая ленивая-ленивая, а вот глазки так и бегают в поисках жертвы побогаче.

Я давно привыкла к этой суете, к тому, что кого-никого, а удастся обчистить ловкачам, и что этот кто-то будет голосить на всю площадь о вселенской несправедливости и о городовом, который только и знает, что свою долю в тёмных делишках имеет. Потому карманники никуда не деваются, а только множатся, аки кролики.

Что ж, суждения эти если и не правдивы, то не лишены основания. Только шаи Милдор вряд ли в этом сознается.

Ещё несколько баночек с душистой пеной и нежным кремом уходят в руки госпожи Ворчикои. Женщина она статная, да с норовом тяжёлым, но при всём этом ей не были чужды маленькие хитрости слабому полу полагающиеся.

Наконец, время перевалило за полдень, и наши ящики вконец опустели. Не осталось ни ягодки, ни овощей. Всё, как я говорила.

Правда, утреннее желание набросилось на меня с новой силой – штопанное одеяло да подушка со слежавшимся пухом, казались едва ли ни блаженством.

– Эк тебе везёт-то, старый плут, – пока я отношу ящики обратно на телегу, а дядя усердно «прячет» мешочек с монетами в нагрудном кармане, от чего тот топорщится и распухает, как надутая лягушка, к нам подходит Крикун, местный ювелиришка с тёмной душонкой мошенника.

Он пузат и лыс, и от него всегда несёт потом едва ли не за версту. Маленькие глазки-бусинки бегают по сторонам, словно ему до всего есть дело. Даже до того, что его никоим образом не касается.

– Не жалуюсь, – отмахивается дядя Росм, гордо выпячивая грудь, дабы ювелир сполна оценил спрятанный мешочек.

Глазки Крикуна вовсе превращаются в щёлочки – едва тёмные зрачки рассмотреть можно.

– А, и правильно, – преувеличенно бодро бросает лысый богатей, ещё и рукой машет, эмоционально так. Потом пододвигается ближе, и скашивает взгляд на меня: – Вон как племянница-то твоя выросла, да похорошела… Прям невеста!

Я едва не споткнулась о ящик, за которым шла, настолько меня поразили заискивающие нотки в елейном голосе. А уж похотливый взгляд, который увидела, обернувшись, так и вовсе казался немыслимым.

Это что же, этот старый лысый бочонок на меня засматривается? В самом деле?! Вот уж не знала, что предоставляю хоть какую-то ценность для ювелира с не очень порядочной репутацией. Да и из возраста, когда свататься надобно, он уже давно вышел, кажется, ещё в позапрошлом веке.

Дядя косится на меня на манер Крикуна, и явно не находит в тощей племяннице ни роста, ни красоты. А уж невесту на том месте вовсе не наблюдает.

Правда, тут я скорее с единственным родственником соглашусь: фигуристой я не была, доска доской, как любит соседка наша, Лотка, говорить, да на лицо обычная – нос вздёрнут, щёки ничуть не румяны, глаза обычные, чернотой отливающие, – вот и всё достояние.

Как ювелиришка умудрился что-то там эдакое рассмотреть, ума не приложу.

– Скажешь тоже, – ворчливо машет дядя и приосанивается, будто вдруг в размерах уменьшается, – как была недорослем-нахлебницей, так и осталась.

Мне бы обидеться, но я только плечами пожимаю и продолжаю ящики обратно на телегу таскать. Правда теперь к разговору прислушиваюсь тщательнее, не к добру Крикун эту тему завёл, ой не к добру.

– А ты не скажи, – хитро прицокнул языком ювелир, – я, чай, не слепой. К тому же сын мельника не стал бы просто так таскаться за ней, как пёс на привязи. Значит углядел чего-то, в недоросле твоём.

Ах, вот оно в чём дело, а я уж испугалась. Это Крикун решил новую сплетню обсудить, где я фигурировала, как главная героиня. Не думала, конечно, что он до такого опуститься, всё ж сплетни больше по бабской части, но чего в этой жизни только не бывает.

Михей, сын мельника, уже неделю за мной таскается, упрашивает зелье ему сварить, заговорённое, а когда я толкую, что за зельем ему к ведьме обращаться надобно, а не к фее – и слышать ничего не хочет. Только о сути его просьбы знать никто не знает, потому и придумали байку, будто влюбился он в меня, и в жёны взять готов. Глупость конечно, но я разуверять никого не спешу. Что ни говори, сплетни эти грели моё самолюбие. Никто ж никогда за худосочной Криской раньше не бегал, а тут сразу – сын мельника, сам Михей. Соседские девахи чуть слюной не захлебнулись, когда прознали!

– Знамо, чего он там углядел, и чем думать можется в этом возрасте, – ворчит дядя и в его голосе слышится непонятная мне грусть. Уж кто, кто, а дядя Росм первым должен радоваться открывшимся перспективам. Это ж какая возможность сбыть с рук нелюбимую племянницу! А он ворчит, да грустным притворяется. Вот и пойми его, старую брюзгу.

– Так и я о том, – непонятно чему обрадовался ювелиришка, и шагнул ближе, чтобы прошептать доверительно. – Ты бы присматривал за ней, а то умыкнут – и не заметишь.

Да-а-а… Дела. Крикун решил заботливость проявить, будто было ему какое дело до сиротки Криски, нелюбимой племянницы ворчливого Росма.

* * *

Рыночная площадь осталась позади, как и покупатели, каждый из которых свою особую странность имел. Вообще, я склонна думать, что абсолютно нормальных людей нет. Вот таких, которых можно словно книгу прочитать, и не запнуться ни на одном словечке. Каждый себе на уме, да всё что-то думает, думает, думает…

Будто им эти думы и измышления дороже самой жизни, что мимо них проноситься без оглядки.

Так и выходит – обернёшься в старости посмотреть на прошлое, а оно, прошлое это, не такое уж и богатое, да и вообще, совсем не эдакое, каким могло бы стать, прекрати он терзаться мыслями, и начни дышать полной грудью да совершать поступки сердцем подсказанные.

Жаль, что мне приходится вертеться среди такого люда, постоянно то слова подбирать, боясь обидеть, то премило кивать в ответ на глупости, то молчать и улыбаться. Последнее, должна заметить, мне доводится исполнять чаще всего. Ничего не попишешь, всем нравятся молчаливые да улыбчивые дурочки.

Ещё на подъезде к дому я почувствовала, что что-то не так. Нет, нашу телегу всегда встречают взглядами – то завистливыми, то злыми, – но в этот раз к зависти прибавилось недоумение и любопытство. Я верчу головой, пытаясь найти причину столь странного поведения соседей, и тут же нахожу её. Впрочем, посмотри я в сторону избы дяди Росма, обнаружила бы её гораздо раньше.

У стройного плетня, затянутого колючей стеной вьющихся кроваво-красных роз, стояла карета. Ни повозка, ни телега, ни пролётка, которых в нашем городке водилось достаточно, а самая настоящая карета, с чёрными лакированными боками, с откидной крышей, гармошкой лежавшей позади сидений, с породистыми лошадьми, что недовольно перетаптывались с ноги на ногу, и подрагивали всем телом, пытаясь отогнать от себя надоедливых насекомых.

– Дядя, это кто? – спрашиваю тихо, хотя в наступившей тишине, в которой, кажется, даже мухи жужжать перестают, всё равно мой голос звучит слишком громко.

От удивления я даже забыла, что с дядей первой заговаривать не стоит – обругает, а отвечать нормально не станет. Правда, то ли родственник удивился не меньше моего, то ли фаза луны наступила какая-то особенная, но он произнёс:

– А это мы сейчас узнаем, кого в наши края занесло! – да так воинственно это прозвучало из его уст, что я невольно оторвала взгляд от кареты и посмотрела

на него.

Дядя Росм, в самом деле, выглядит воинственно, и мне вдруг почудилось (глупость какая, честное слово), что защищать он собрался меня.

От кого? От вон того щупленького дядечки, в высоком цилиндре, который расхаживает взад и вперёд, ожидая, пока мы подойдём?

Глава 2

Подошли. Встали. И рассматриваем друг друга – мы приезжего, а приезжий нас. Молча всё, без единого словечка.

И думается мне, что молчание это может длиться бесконечно, аккурат до заката, пока солнце не завершит почётный круг и не опуститься за пушистые кроны деревьев. Ан, нет, я всё же ошиблась.

Дядечка деловито перекладывает аккуратную папку из одной руки в другую, и протягивает освободившуюся для рукопожатия:

– Брукс Шмот, будем знакомы.

Судя по тому, что дядя своей руки не подаёт, больше того, сжимает её в кулак, явно намереваясь показать всю степень собственной радости от столь бесцеремонного вторжения на свою территорию, я выступаю вперёд, предотвращая катастрофу:

– Здравствуйте! – протягиваю ладонь, быстро сжимая жилистую худощавую руку и поспешно её выпуская. – Чем обязаны?

Стоит ли говорить, что к нам столь важные гости раньше не захаживали? А если посмотреть на дорогие начищенные туфли, к которым так и льнула надоедливая дорожная пыль, да на щегольской костюм и золотую цепочку часов, свисавшую из кармана, гость был невероятно важным. Для нашего городка – так точно.

– Может быть, пройдём в дом? – дядечка многозначительно приподнимает брови, будто сказать чего пытается.

Нет, бестолковой особой я себя никогда не считала, а сегодня, поди ж ты, совершаю одну глупость за другой.

Оглядываюсь и поспешно киваю – с каким бы делом к нам не прибыл этот важный гусь, любопытным соседям, подкравшимся едва ли ни к самому плетню, знать о нём не обязательно.

– Конечно, конечно, – тараторю поспешно, и отступаю к калитке, чтобы тут же распахнуть её настежь.

Но не тут-то было, дядя Росм оживает:

– А у нас незнакомцев в дом не пускают, – особо выделяет «нас» и преграждает путь приезжему.

Да что ты будешь делать!

– Дядя, – говорю заискивающе и подхватываю его под локоток. – Что о нас приличный господин подумает?

И в глаза смотрю, пытаясь донести до старого упрямца, что не место сейчас для его ворчливости. Вот зайдём в избу – пусть хоть по полу катается да ногами топает, но не тут.

– Это в каком это месте он приличный-то? – возмущённо выдаёт дядя Росм, и я от стыда готова сквозь землю провалиться.

Это ж надо, так опозориться-то…

– Дядя… – бормочу еле слышно, покрываясь от стыда жгучим румянцем.

– Вообще-то, – пока мы с ним тут препираемся, к нам подходит тот самый «не очень-то приличный господин», и обиженно выдаёт: – Я приехал не к вам, – окидывает презрительным взглядом дядю Росма, – А к этой молодой особе.

И на меня показывает дрожащим от негодования пальцем.

Тут я и про стыд забыла, и про то, что разговаривать лучше не посреди улицы.

– Ко мне? – пищу точь-в-точь как малахольная барышня, коими становятся девы всех возрастов и сословий, стоит на горизонте завидному холостяку показаться. А ведь уверена была, что сроду до писка такого не снизойду…

– К вам, к вам, – кивает на манер заведённой игрушки. Достаёт из аккуратного портфеля несколько таких же аккуратных листов с красивыми вензелями да печатями и торжественно провозглашает: – Радуйтесь, от покойной тётушки вам достался особняк в самой столице!

А ведь день не предвещал ничего необычного…

* * *

Новость так новость! Всем новостям даст фору…

Беседу мы-таки продолжили в избе – дядя Росм, как услышал радостное известие, так и потащил нас под крышу, совершенно не заботясь о том, успеваем ли мы за ним ноги переставлять, или ж нет.

Брукс, который Шмот, попытался было возмутиться, но разве ж его кто стал слушать? Правильно, никто!

Особняк… в столице… Это же… это… Да счастье это невероятное! Уж чего-чего, а такого подарка от судьбы я не ждала.

– Нет у неё никакой тётки и никогда не было! – пока я пребывала в мире, под названием «обухом по голове», дядя Росм и Шмот спорили. Основательно так, до хрипоты.

– Как это нет, когда есть? У меня ведь и бумаги имеются, всё как полагается!

Но на положенное и имеющееся дядя Росм чихать хочет, о чём тут же дядечке в цилиндре и сообщает:

– Долго ли умеючи эти ваши закорючки подделать!

Брукс надувается, как жаба, трясёт худыми кулаками:

– Это на что это вы намекаете?!

– А мы народ простой, мы намекать не приучены, мы прямо всё говорим! Как есть!

– Вы… Вы… – сдувается и пыхтит, как паровоз. – Да зачем мне это?

Вопрос, не лишённый смысла, но разве ж дядю это останавливает?

– А мне почём знать? Это вас спрашивать надобно!

– Ну вы… Вы вообще! Неужто думаете, что я за ради обмана тащился по кочкам да ухабам? Делать мне больше нечего!

– Ага! Вот и признались – делать вам нечего, потому и заманиваете сироток неразумных в столицу, чтобы…

Тут видимо богатая фантазия дяди даёт сбой, и он озадаченно замолкает, явно не зная, для чего неразумные сиротки в столице могут понадобиться.

Возникшим замешательством нужно воспользоваться.

– Могу я бумаги посмотреть?

Когда Брукс Шмот вручил их мне, при этом огласив счастливую новость, листы дядя из моих рук выхватил и вернул владельцу. Я даже первую строчку прочитать не успела.

– Да на здоровье, – всё ещё фырчит недовольно мужчина, доставая бумаги и попутно снимая высокий цилиндр, чтобы тут же промокнуть облысевшую макушку накрахмаленным платком с россыпью золотой вышивки.

– Только имейте в виду, – пока не начинаю читать, вдогонку бросает мне, – отказаться от наследства вы не можете!

А я и не собираюсь. Право слово, где это он видывал таких глупцов, которые от наследства отказываться надумали?

Дядя Росм пытается что-то сказать, да только вместо слов у него мычание выходит какое-то нечленораздельное. А потому я отмахиваюсь и углубляюсь в чтение.

«Я, Дайана брит Хайтор, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, завещаю всё своё имущество (коим является особняк на Малиновой улице под порядковым номером тридцать семь и ячейка в банке «Умелые руки» под номером девять тысяч триста десять), Кристиане Ларнесс».

Размашистая подпись и печать с мелкими буковками: «Контора Брукса Шмота».

На втором листе обнаружилась опись того, что хранилось в особняке:

«Четыре стула, одна кровать, восемь цветочных горшков, три кувшина, один дубовый стол…»

На столе останавливаюсь и смотрю на Брукса:

– Наследство – это, конечно же, хорошо, – и я ему весьма рада, о чём говорить не буду, и так ведь ясно, – но, позвольте, я не знаю никакую Дайану, эм… – пришлось перевернуть лист и внимательно прочитать: – Дайану брит Хайтор.

Дядя победно вскидывает ладони, и улыбается от уха до уха, а вот Шмот смущённо машет рукой, будто вопрос мой никакой ценности из себя не представляет:

– Ах, это, – открывает портфель и вытаскивает пухленький конверт. – Ваша тётушка предполагала, что вы о ней ничего не знаете, а потому написала письмо.

Несмотря на раздувшиеся бока конверта, письмо оказывается коротким.

«Дорогая, Кристиана!

Наверняка, ты не знаешь о моём существование, да и я о твоём узнала не так давно. Собственно, что я хочу сказать, в девичестве я принадлежала славному роду Ларнесс, и являлась родной сестрой твоей бабки Аделаиды. В то время твоя матушка Маргарита ещё была пухлым розовощёким младенцем. Я вышла замуж и вскоре, из-за частых переездов, связь с близкими была утеряна».

И всё? Верчу туда и обратно один листок, затем другой, пытаясь найти ещё хоть что-то. Но нет, больше ни одного словечка, только пустые одинокие странички.

О том, что у бабули была сестра – я знаю. Но имени её, почему-то, не помню. Да только раз уж тётушка почему-то решила оставить мне наследство, могла бы и подлиннее письмо написать.

– Теперь верите? – с надеждой спрашивает Шмот, в то время как дядя усиленно мотает головой из стороны в сторону.

Я смотрю на родственника с подозрением, и только сейчас понимаю – что-то в его поведении не так. Сколько раз он повторял, что рад бы сбыть меня с рук, и тут едва ли ни с кулаками на Брукса бросается. А это ведь такая возможность, избавиться от нелюбимой племянницы.

– Верю, – киваю, не сводя взгляда с дяди. От моих слов он совсем поник, и бессильно опустился на стул. – Где подписывать надо?

Не то чтобы мне всякие тонкости известны были, но кой-чего я понимала. Ни один договор, словами скрепленный, силы не имеет. Только подпись, желательно на крови замешанная, чтобы наверняка.

* * *

Подпись ставлю, и выпроваживаю Шмота восвояси. Он даёт мне чёткие инструкции, когда нужно явиться в столицу, как найти его конторку, и в самом конце, чтобы я поверила в свою удачу наверняка, достаёт из кармана связку ключей. Массивную такую, словно не особняк мне вручал в наследство, а дворец целый, с десятком запертых дверей.

– Это всё мне? – не сдерживаю удивления, слегка подбрасывая связку в ладони. Тяжёлая. И ключи все, как на подбор – витые, старинные.

– Всё, – совершенно серьёзно бросает Шмот, и садится в карету.

Возница сонно моргает и оглядывается, будто не верит, что его пребывание в этой глухомани подошло к концу.

Когда возвращаюсь в дом, дядя Росм так и сидит на стуле, да смотрит к тому же в одну точку, будто нашёл там что-то невероятно заманчивое.

Усаживаюсь напротив, молчу несколько минут, и всё же спрашиваю:

– И к чему это представление было?

Стоит уточнить, что в заботу, ту которую обычно родственники проявляют, я не верю, да и не поверю. Не мог же дядя Росм скрывать свою суть целых восемь лет, да так, чтобы проявить её аккурат во время новостей наиприятнейших.

– Какое такое представление? – изображает удивление, да настолько фальшивое, что я лишь кривлюсь, да глаз с него не свожу.

– А то самое, где ты обвинил почтенного Брукса в обмане, – про почтенного, я, конечно же, погорячилась, но что не скажешь для пущего эффекта, – Не понятно, для чего придуманном. Ты же сам столько раз говорил, что нахлебница я, надоедливая сиротка, под ногами мешающаяся. Вот он, твой шанс, от меня избавиться. Радуйся!

Собственно, сама я в свалившееся счастье не до конца верила. Нет, случаются, конечно, чудеса, только вот для меня у судьбы их припасено было катастрофически мало, а тут… Неожиданно, в общем.

Пока не увижу дом собственными глазами, так и буду думать, что умом тронулась и приезд Брукса мне всего лишь померещился. Вкупе с заступничеством дядюшки Росма.

А родственничек молчит, хмурит густые брови, да губы жуёт, и никак слова правильные вымолвить не может.

Подозрение моё, и без того зашкаливающее, достигло пика. Я щурюсь и подозрительно уточняю:

– Неужто боишься заработка лишиться?

Как же это я раньше-то не додумалась? Без моей помощи у дяди, конечно, всё было не так уж плохо, на хлеб с маслицем ему вполне хватало, но сейчас-то он зажиточным стал. Ходит да перед соседями хорохорится, от чего те и смотрят на нас с нескрываемой завистью.

Стоило про заработок сказать, как дядя со стула, как подскочит, да как руками взмахнёт, точно крыльями мельницы:

– Это ты о чём это? Это ты как это? – взялся причитать без остановки. – Я может и грубиян, и ворчун ещё тот, но я ни в жисть! Я… – метнулся к столу, отодвинул его с натужным скрипом, от чего мне показалось, что бедные ножки сейчас отвалятся, и доску с пола откинул. А оттуда мешочек достал, увесистый такой. Им и прибить можно, если постараться. – Тебе вот приданное собирал, чтоб не хуже других, чтоб не кликали тебя нищенкой. А ты… Эх…

Ещё раз взмахнул руками, да так и сник, будто силы его разом покинули.

А я как рот открыла, так закрыть его и не смогла.

Бр-р-р… Неужто я в самом деле с ума сошла? На солнышке перегрелась, или мазями какими надышалась? А может мне снится всё? Правда, сомневаюсь, что фантазия у меня настолько бурная имеется.

Восемь лет назад родителей не стало, и после недолгих поисков родственников, выяснилось, что, кроме дяди Росма, у меня никого и нет. А как только строгая

тётка из приюта привезла меня под двери избы с покосившимся плетнем вокруг неухоженного двора, я только и слышала от родственника, что обуза я и никак иначе.

Сложно сказать, когда я к такому привыкла и ждать одобрения от родственника перестала, просто в один день поняла, что как прежде уже не будет. Ни матушка, ни отец не вернутся, а жить дальше как-то надо. Вот я и привыкла и к ворчанию, и к грубости, даже казаться они мне стали едва ли ни нормою.

А уж глядя, как порой родные батюшки да матушки в деревни своих дитяток колотят по чём зря, и вовсе прониклась какой-никакой, а симпатией к Росму. Сыта, одета, обута, пусть не в новенькое, но во вполне добротное. Крыша, опять же, над головой имеется. И не надо мне милостыню просить, как всем приютским обитателям.

Но вот что он приданное мне собирает, да думает о моём будущем… Это уж сказка какая-то получается!

Надо бы устыдиться своих сомнений, но…

– Дядя, я тебе, конечно, благодарна, – произношу осторожно, подбирая слова. – Но не стоило.

После смерти родителей мне кой-какие сбережения достались, да и флакончики мои с бутылочками расходились на ура, так что нищенкой я всё ж не была. Сироткой – это да, но не побирушкой же.

– Ты себе их оставь, пригодятся, – отвожу взгляд от сгорбленной фигуры и выхожу из горницы. Прямо-таки вылетаю, как стрела.

Прислоняюсь спиной к обмазанной глиной стене и шумно выдыхаю.

Вот так денёк…

* * *

Пожитки у меня имелись. Не так, чтобы много, но достаточно для того, чтобы руки тянуло к земле, а ладони жгли врезающиеся ручки сумок.

Вещи я собирала уже после полуночи. А дядя Росм усиленно притворялся спящим. Мы так больше и не поговорили. Да и не хотелось как-то, право слово.

Не были мы с ним близки, да и не станем уже. В мыслях у меня не укладывалось, как можно заботиться вот так – бесконечно попрекая, да награждая хмурым взглядом? Бывает ли такое в природе, или дядюшка экземпляр единственный, науке неизвестный? Кто ж знает…

Едва забрезжил рассвет, я взялась за сумки, да выйти не успела – родственничек с кряхтением поднялся с тахты, и преградил мне путь.

Долго смотрел в глаза, будто отыскать там что особенное пытался, да не находил.

– Ты прости меня, Криска, дурака старого, – проворчал, в привычной ему манере. Он даже извинялся так, что хотелось голову в плечи вжать, да попятиться. – Я после того, как жинка моя к праотцам сгинула, на весь мир злой был, а тут ты – глазищи во, и слёзы льёшь ночами. А… – замахнулся, и руку с силой опустил, будто не о чем тут говорить.

И то верно – говорить нечего было. Всё уже сделано, да сказано.

– Не серчай, словом, и вот, возьми, тебе они нужнее, – протянул тот самый мешочек увесистый, который я вчера благоразумно оставила человеку, его собравшему.

Пробовала отказаться, да разве ж он слушать стал? Впихнул в руки, и, прихрамывая, вышел за дверь.

На том мы и расстались. Не хорошо, как-то, и на душе пакостно, но я уже решила и пути назад нет.

Вышла на тракт, пристроилась к первому же попавшемуся обозу и отправилась в столицу – навстречу новой жизни.

Глава 3

Чем ближе подъезжаем к высоченной стене, что город обносила со всех сторон, тем плотнее толпа становится. Тем громче кричат да спорят о чём-то.

В столице раньше я бывала, правда помню это смутно. Тогда мне едва пять исполнилось, и отец взял нас с собой. Помню только, что улицы, не в пример привычным мне, широкими были, а дома стояли бок о бок друг с другом, так что между ними и протиснуться невозможно. Даже если росту в тебе хвостик с небольшим.

Но и тогда я запомнила, что город делится на шесть секторов, кругами от центра расходясь к окраинам. Синий да Красный кварталы были для знати, Жёлтый и Зелёный, для горожан зажиточных, но титула не имеющих, а вот Серый да Чёрный – тут все остальные околачивались, кому места в первых четырёх не нашлось.

Малиновая улица брала своё начало в Синем квартале, и я, наивно полагая, что номер тридцать семь должен находиться где-то в квартале Жёлтом, ну или Зелёном, на худой конец, была немало удивлена, когда ни в том, ни в другом его не обнаружила.

Был дом тридцать пятый, потом тридцать шестой, а потом почему-то сразу шёл тридцать восьмой, и за ним девятый.

Как так?

Я прошла по улице несколько раз, но так ничего и не обнаружила.

– Чего тебе тут надо, попрошайка? – булочник в белом накрахмаленном переднике и в таком же белом колпаке, вышел из дверей своей ладненькой лавки и хмуро уставился на меня.

– А вы не подскажите, куда тридцать седьмой дом подевался? – улыбаюсь как можно дружелюбнее. Да так, что аж скулы свело с непривычки-то.

– Приезжая что ли? – немного смилостивился толстяк. Улыбнулся в ответ, да что-то мне улыбка его не очень понравилась – ехидная она какая-то вышла.

– Приезжая, – кивнула осторожно.

– Ха, – непонятно чему обрадовался булочник. – Так это тебе в конец Серого квартала, там тридцать седьмой дом и стоит.

Это как? Такое вообще возможно?

– Но… – начинаю и тут же замолкаю. Толку перед ним возмущаться. Мысленно машу рукой, и вновь его спрашиваю: – А контора Брукса Шмота, не подскажите где?

Что ж, с конторой мне повезло больше. Булочник махнул в сторону и сказал, что на углу улицы Ежевичной как раз и сидит господин Шмот.

В низенькую калитку я вхожу, чеканя шаг.

Нет, ну как так-то? С чего это все номера идут по порядку, а этот, тридцать седьмой, чтоб ему пусто было, почему-то оказался аж в конце Серого квартала?! Выходит, неподалёку от квартала Чёрного, где у каждого второго обитателя репутация вора иль головореза! И почему этот Брукс ничего мне сразу не сказал?

Р-р-р-р!

Конторка была маленькой – приёмная да сам кабинет. И посетителей тут, конечно же, не было. Да и где им тут разместиться-то?

– Входите-входите, – встречает меня сам господин Шмот, потому что секретаря у него в наличии не имеется. – Вы вовремя, а я и не надеялся.

Это он меня сейчас так оскорбить пытается, или задобрить?

– Почему вы про Серый квартал не сказали? – вместо приветствия с грохотом ставлю сумки на пол, и упираю руки в бока.

Вся холёная доброта тут же с него слетает, и он с издёвкой произносит:

– Будто бы в этом случае вы отказались, – и фырчит ещё, как кот, весьма собой довольный.

– Нет, – бубню чуть тише, – но…

– Никаких «но», милочка, – предприимчиво хватает со стола стопку листов и суёт их мне под нос: – Бумаги вы подписали, так что забирайте своё наследство.

Бумаги пришлось взять, и как только они оказались в моей руке, Брукс облегчённо выдохнул и вытер пот со лба:

– Ну и тётка у вас была, должен сказать. Не позавидуешь.

При чём тут моя тётка, я спросить не успеваю, потому что меня, совершенно бесцеремонно выставляют за дверь, и на ключ закрываются. Хорошо хоть сумки вместо со мной вынес.

– Что это всё значит? – возмущаюсь запоздало, да и вяленько как-то, без огонька.

Уж больно всё стремительно происходит и совсем не так, как я планировала.

– А ничего, – из-за двери говорит Брукс. – Вы идите с миром, милочка, идите.

Уйти я, конечно, ушла, но не сразу. Ещё несколько минут рассматривала запертую дверь кабинета, размышляя о насущном – выломать её и потребовать объяснений, или, и вправду, уйти с миром?

Предпочла второе, потому что первое, с моим худощавым телосложением осуществить было бы весьма проблематично.

Выхожу из приёмной, аккуратно запираю низенькую калитку и останавливаюсь посреди улицы, глядя в ту сторону, где находится Серый квартал.

А может и ничего, что так оно вышло? Подумаешь Серый квартал… Что я, в нашем замшелом городке ни воришек, ни попрошаек не видела, и все мои соседи были исключительно знатного происхождения?

Пф… Нет, конечно! Так чего я тогда испугалась?

Может того, какая слава гремела на все окрестности об окраине столицы? Да только глупо ж это – верить сплетням и слухам, которые зачастую рождаются от скуки, вдруг напавшей на фантазёра да хорошего рассказчика.

Решено! Прежде чем руки опускать, надо на домик хоть взглянуть… Одним глазком. Вдруг там всё настолько ладно, да прекрасно, что я от радости буду прыгать, как козочка?

Искоса посмотрела на здание конторы, заметила покачнувшуюся занавеску в кабинете Брукса и погасила в себе все сомнения.

* * *

Как таковой границы между Жёлтым и Зелёным кварталом не имелось. Я пока шла по Малиновой улице, единственное, что отметила, так это позолоту, которой становилось всё меньше и меньше с каждым шагом.

Но улочки оставались такими же чистенькими и широкими, палисадники ухоженными и яркими, а дома уютными даже на первый взгляд. С ладных балкончиков, кованными решётками огороженными, свисали разноцветные горшки с цветами, стены и окна дышали новизной, и по мощёным дорогам важно выхаживали парочки горожан разного возраста.

А вот границу с Серым кварталом я заметила издалека. Это будто у художника вдруг краски закончились и часть рисунка он так и оставил не закрашенным.

И уютные домики, и ладные балкончики, и цветастые палисадники, и тротуары с ровными рядами витых фонарей – всё разом оборвалось, растворившись в

серости и неприглядности.

Яркие витрины сменились безликими провалами окон, за которыми сложно было понять, что именно в какой лавке продаётся. На большинстве из них вывески либо выцвели и истрепались, либо вовсе отсутствовали. Для местных обитателей, судя по тому, как они проворно сновали из одной двери в другую, это никакой путаницы не вызывало.

Даже брусчатка под ногами кажется мне какой-то не такой…

Но я упрямо иду вперёд, с трудом рассматривая затёртые номера домов.

Семьдесят первый, семьдесят второй, семьдесят третий, тридцать седьмой, семьдесят…

Я останавливаюсь, едва не спотыкаюсь о валяющийся посреди улицы камень и резко оборачиваюсь.

Между семьдесят третьим и четвёртым домом, отодвинутый немного вглубь от дороги, стоит особняк, в наследство мне доставшийся…

С минуту молча смотрю, а потом от души ругаюсь:

– Да чтоб мне провалиться…

И как только у Брукса, этого Шмота непорядочного, рука поднялась написать «особняк»?! У нас у старой клячи Крохи хлев и то добротней выглядит! Нет, может когда-то, при должном уходе дом и можно было особняком величать, но уж точно не сейчас…

Стены, с потрескавшейся штукатуркой, что к тому же в нескольких местах отвалилась вместе с доброй половиной каменной кладки, облупившиеся окна с разбитыми стёклами, крыша с пробоинами, из которых, весело покачиваясь на ветру, торчали пучки травы.

А палисадник? Да он под стать дому… Засохшие коряги да вздыбленная земля с опутанными травой корнями…

Вот Криска, что бывает, когда глупые девочки, вырастают, а в сказки ещё верят…

И вот что вы мне прикажите с этим наследством делать? Наследовать?!

Стискиваю до боли зубы, и уже разворачиваюсь, как перед глазами разом картинка вырисовывается…

Городок, Башня Удачи, дядя Росм…

Соседи…

Последние встретят меня особенно «добро» и ещё долго будут мне припоминать, как я позарилась на столичный особняк, а получила кукиш, да к тому ж без масла.

Да так ярко я представляю их ядовитые ухмылки, и слова в спину брошенные, что делаю пару шагов и пинком покосившуюся калитку открываю.

Нет уж! Не дождутся они моего позорного возвращения! Дядя Росм мне денег дал, вот и приведу этот сарай в надлежащий вид. Отмою тут всё, отчищу, заблестит, как миленький.

Подбираю ключ, один из связки, самый массивный и позолотой украшенный, поворачиваю его пару раз в замочной скважине, и вваливаюсь в дом. Да так и застываю на месте, потому что внутри, в отличии от картины внешней, не то, что особняк нарисовывается, а целый дворец, правда размера весьма уменьшенного.

Вроде грибочки сомнительные я по дороге в столицу не срывала, и из рук незнакомцев ничего не брала, так откуда у меня это «видение»? Весьма реалистичное, должна заметить…

Жмурюсь с такой силой, что перед чернотой век яркие пятна расцветают, а потом глаза резко открываю, но вижу то же, что и до этого – пол, устеленный коврами заморскими, на стенах дорогие тканые обои с росписью, мебель, сесть на которую, мне думается, настоящее кощунство.

А как же сарай, куда я входила? Он-то куда делся? Не может же такого быть, чтобы снаружи – развалюха развалюхой, а внутри… такое!

Нет, родилась я не вчера, конечно же, и не мне удивляться волшебству да магии, но… Не в таком же количестве?!

Из дома я-таки выхожу. Не выдерживает моё сердце бедное такого счастья, того и гляди лопнет от переизбытка свалившегося на голову богатства.

Ставлю сумки на крылечке, отхожу на несколько шагов и вновь придирчиво осматриваю дом.

Пробитая да проросшая травою крыша никуда не делись, как и поколоченные стёкла окон. К последним я и направляюсь, чтобы убедиться, что внутреннее убранство мне всё же привиделось.

Встаю на носочки и заглядываю в комнату, ту самую, где я только что видела и ковры, и обои вычурные, но… Вижу лишь изъеденные временем доски, мхом облюбованные, чёрную пасть полуразрушенного камина и стены, на которых кроме тёмных подтёков да плесени ничего и нет.

Вот что нормальный человек в таком случае сделал бы? Правильно! Обрадовался! Потому что тут убранство внешнее с внутренним совпадает и не придётся искать целителя для непутёвый головы.

А я что? Я злюсь… И со всех ног несусь обратно к двери.

Распахиваю её, влетаю внутрь и с жалобным «хр-р-р» проваливаюсь под пол. Ну, как, проваливаюсь, по щиколотку только. Прогнившие доски не выдержали моего праведного гнева и решили отойти в мир иной, где им участь более радужная уготована.

– Куда? – хриплю сдавленно, ощупывая взглядом и пасть камина, и плесень на стенах. – Куда всё подевалось? – кое-как справляюсь с нахлынувшими чувствами и пытаюсь не разреветься.

Зачем, спрашивается, выходила? Жила бы себе в замке богатом и беды не знала, а теперь… вот это вот всё.

Стою я долго. Бурчу, причитаю, ругаю почём свет и тётушку новоявленную, и доверчивость собственную, и Шмота, к благородным господам отношения не имеющего, и вообще, свет целый. Почём знать, сколько ещё б я жаловалась, покуда не вспомнила – сумки-то, с вещами да с деньгами настоящими, а не вымышленными, я на крылечке оставила.

Жалобное «хр-р-р» повторяется, когда я выпрыгиваю из дыры образовавшейся, только мне не до этого. Пусть хоть всё тут рухнет!

Открываю значит дверь и выдыхаю – стоят сумки родненькие, целёхонькие.

Выхожу на крылечко и застываю истуканом.

Прохожие хоть и торопятся по своим делам, а всё косо посматривают на меня. Ещё бы, небось никого больше не нашлось, кто б решился к этой рухляди приблизиться. Кроме меня… Обидно, сил нет. Опять судьба по моське меня хлещет, словно до этого мало поиздевалась. И за что мне всё это? За какие такие грехи?

Дверь я, всё же, ещё несколько раз открываю и закрываю, в надежде вновь увидеть тот домик, ухоженный да богатый, но… Куда там, не про мою честь.

В особняк (мать моя фея, кто его только додумался так назвать?) я захожу спустя четверть часа, если верить далёкому звону башенных часов, что в Синем квартале находятся.

Обхожу дырку в полу, и иду осматривать владения.

Прихожая, она же гостиная, она же комната с камином, по правую руку лестница на второй этаж, прямо – небольшая кухонька и кладовка с разным хламом. Поднимаюсь по ступеням, которые, удивительно даже, вполне себе крепкие и добротные, прохожу тёмный коридорчик и оказываюсь в большой светлой спальне с аккуратным балконом. Он выходит на противоположную от оживлённой улицы сторону, и я вновь не могу сдержать удивления: в отличие от

палисадника сад за домом вовсе не походил на вымершую рощу, сплошь усеянную корягами. Напротив, он благоухал разнообразными цветами, пусть и поросшими настырными сорняками. Многие из них цвели не ко времени, но и сад вряд ли простым являлся.

Розы кустовые и вьющиеся по стене дома, нарциссы, бардовые шапки вербены, пушистая астильба, нежная россыпь незабудок и море гиацинтов. Стоит только мельком посмотреть на сад, как сразу ясно становится – здесь жила фея, даром природы наделённая.

За это чудо я как-то сразу решаю простить тётке и завещание это странное, и дом разваленный, и даже тот, который показался мне сначала – с богатым убранством. Всё прощаю, и деловито киваю собственным мыслям: коль уж я сюда приехала, а дядя Росм облагодетельствовал меня мешочком с золотом, то пора приниматься за работу.

Спускаюсь вниз, подхватываю сумки и только собираюсь выйти, как от стопки документов отделяется один листочек, на котором красивыми буквами выведено: Банк «Умелые руки». И пусть название доверие не внушающее, я решаю сначала посетить его. Не ради того, чтобы узнать, что ещё мне родственница оставила (нет уж, на сегодня хватит с меня её благодетельства), а для того, чтобы средства собственные припрятать до поры до времени. Не хранить же их в этой развалюхе, куда любому жулику да плуту путь открыт.

Закрываю дверь на ключ, стою недолго, пытаясь искушение поборот, но куда там, вновь открываю и немного разочарованно выдыхаю – богатое убранство не вернулось. А жаль… Ну да ладно. Разве ж феи сдаются? Да никогда!

Глава 4

Банк находится в Жёлтом квартале, что разом прибавляет ему доверия очков на десять. Не могут в квартале почтенных граждан находиться заведения с сомнительной репутаций! Не могут, и всё тут.

Дабы не стоптать ноги по самые уши, нанимаю-таки экипаж. Правда, в Сером такой роскоши отродясь не водилось, как я понимаю, они останавливаются на границе с Зелёным и ждут клиентов там.

Возница, прежде чем согласиться меня подвезти, смотрит пристально, и пока я не показываю ему зажатую в руке серебрушку, и не думает угождать. Ну ничего, мы люди не гордые, можем и подождать.

Наконец, мужик кивает на приоткрытую дверцу и лениво так бросает:

– Садись, прокачу.

Ха! «Щедрое» предложение.

Но не соврал, прокатил, да ещё и с ветерком. Я с любопытством поглядывала по сторонам. Всё же красивые нормальные кварталы – яркие, пышущие жизнью. Не то что тот, где домик стоит перекошенный.

Банк оказался заведением солидным. Такой великой была его солидность, что меня пустили туда только после проверки документов, где была указана ячейка с наследством почтенной родственницы.

Я заподозрила неладное, когда охранник, амбал здоровенный, прочитав имя моей благодетельницы, побледнел как-то, и тут же залебезил передо мной:

– Идёмте, идёмте, милочка, управляющий как раз вас и ждёт.

Хотела я спросить, с чего это ему меня ждать, и причём, собственно, тут сам управляющий, да не успела. Амбал схватил меня за руку и едва ли ни в припрыжку поскакал по залу мимо изумлённых посетителей и не менее удивлённых клерков.

Каким таким чудом я себе шею не свернула, диву даюсь.

Но охранник не солгал – управляющий меня действительно ждал. Ну как ждал… Сначала выпученными глазами на меня смотрел, а потом, когда амбал имя родственницы назвал, картинно схватился за сердце (или в самом деле его

прихватило?), и счастливо выдохнул:

– Слава Небесам! Вы пришли!

Положим, небеса тут не причём. Скорее ему Брукса Шмота благодарить надобно, но об этом я благоразумно промолчала. А то мало ли – выставят меня из банка, как и тот прохиндей из своей конторки.

– Здравствуйте! – наконец, говорю и потираю руку, из захвата амбала освобождённую. Нет, следов на запястье не останется, не такая уж я нежная барышня, но всё равно неприятно.

– Здравствуйте, здравствуйте, – торопливо кивает управляющий, а сам взглядом на охранника зырк! И тот испаряется, словно его тут и не было. – Присаживайтесь, уважаемая Кристи… – смотрит в бумаги и со смущённой улыбкой заканчивает: – Кристиана.

Я и так знаю, что имя у меня для девушки довольно необычное, но… Разве ж я его выбирала? Тут папа постарался. Он так мальчика ждал, что о девочке, чисто теоретическом её появлении, не подумал вовсе. А когда родилась я, а не ожидаемый Кристиан, решено было всего одну буковку добавить, чтобы не расстраивать и без того опечаленного родителя.

А уж с лёгкой руки дяди Росма я вовсе в Криску превратилась.

Управляющий внимательно смотрит на меня, и будто ждёт чего-то. Я теряюсь, показательно хлопаю себя по лбу и говорю:

– Простите, я в таком заведении впервые, – опускаю взгляд и пытаюсь улыбнуться. – Я бы хотела оставить у вас на хранение эм-м-м, небольшую сумму денег.

По мере того, как я говорю, выпученные глаза мужчины становятся всё больше и больше. Я всерьёз уже опасаться стала, что они у него из орбит выскочат.

– Ещё-о-о? – тянет удивлённо, стоило мне замолчать.

– Простите?

– Извините, – управляющий смущённо кашляет и поправляет стопку бумаг, что на краю стола обретается. – Я полагал, что вы придёте к нам, чтобы деньги снять, а никак не оставить на хранение ещё.

Выходит, он мне объяснить сейчас пытается что-то, но запутал меня ещё больше. Так, что я уже сомневаться начала в том, что заведение это надёжно и солидно.

– А… – собираюсь сказать что-то умное, но теряюсь.

– Не понимаете? – догадывается, наконец, мужчина, поправляя щегольской жилет с цепочкой золотых часов в кармане. – Простите, я сейчас вам объясню.

Поворачивается к шкафу, достаёт небольшую папку и протягивает мне.

– Прочтите, и вы поймёте моё удивление.

Папку я беру с некоторой опаской. Что сказать, после Шмота я уже готова ждать от этой папки всё, что угодно.

И ведь не ошибаюсь… Первой строкой была написана сумма, от которой дыхание перехватило, и кабинет стремительно закружился.

Двадцать тысяч золотых монет и пять сотен серебрушек?! Так это ж целое состояние!

Папку я медленно возвращаю на стол, и пальчиком отодвигаю подальше. Потом прикладываю руку к сердцу, которое вдруг решило устроить дикие танцы и прошу сдавленно, едва выталкивая слова:

– Можно… воды?

Управляющий поспешно кивает и отчего-то трясущимися руками наливает из высоко кувшина воду. Я в свою очередь хватаю стакан и осушаю сразу до дна, будто пару часов провела под палящим солнцем. С грохотом ставлю на стол и

прикрываю глаза. Кажется, так легче собрать разбегающиеся в разные стороны мысли.

– Я не ошиблась? – спрашиваю, спустя несколько минут гнетущей тишины. – Двадцать тысяч золотом?

– И пять сотен серебряных монет, – словно издеваясь, добавляет управляющий. – Всё верно.

– А… – хотела спросить, кем же моя тётушка трудилась при жизни, да только остановилась вовремя. Не очень-то прилично задавать такие вопросы, да и не важно это сейчас.

– Понятно, – силюсь улыбнуться, всё так же глаз не открывая, но не выходит.

– Так я почему удивился, – счёл нужным пояснить свою странную реакцию мужчина, хотя мне, честно признаться, оправдания его вовсе не нужны. Мне бы переварить, что я теперь богата. Но его моё мыслеварение вряд ли волновало так же, как и меня. – Обычно наследники стремятся как можно быстрее богатство потратить, а вы…

Он делает многозначительную паузу, окидывает меня придирчивым взглядом, благо глаза я к тому времени уже открыла, и всем своим видом заявляет, что такая оборванка из глуши уж точно была обязана следовать привычному сценарию, а не вот это вот всё.

Сил обидеться на такое явное неуважение, пусть словами и не высказанное, у меня не нашлось. Да и желания доказывать, что пусть я и из глуши, а средства к существованию у меня имеются, как-то не обнаружилось.

* * *

Счёт я всё же открыла, пользоваться же тётушкиным имуществом не посчитала нужным. К тому обзавелась такой интересной вещью, как чековая книжка – небольшой блокнотик в толстой обложке с изображением двух пухлых, холёных ладошек. Знак этот был фирменным, как мне пояснил всё тот же управляющий, и подделать его ещё никому не удавалось, сколько ни пытались. Для чего он

сделал последнее уточнение – я так и не догадалась. То ли предупредил, чтобы даже не думала этого сделать, то ли… А поди разбери его.

Из банка я вышла, пребывая в дурмане. Да и не удивительно – двадцать тысяч золотом! Не каждый день такие известия доводят до сведения простых, приземлённых граждан, коей я себя всю сознательную жизнь считала. А оказалось, болтаюсь я где-то чуть ниже небожителей, а не в самом низу социальной лестницы, как наивно полагала.

Я опускаюсь на первую попавшуюся лавочку и долго смотрю на яркое синее небо. Не то чтобы это меня успокаивало, или оказывало какое другое магнетическое действие, но… Так можно было представить, что я не посреди шумного проспекта, неподалёку от солидного банка, в котором хранится не менее солидная сумма, мне прилагающаяся, а где-то в поле, с душистыми полевыми цветами, и пчёлами-трудяжками. Представляется, конечно, с трудом, но… Я успокаиваюсь, и почти возвращаю себе крепость духа, а к нему и предприимчивость, и деловитость, и присущую феям жизнерадостность.

Первый звоночек, что я не так уж и богата, получаю спустя час, когда буквально выбегаю из конторки с яркой вывеской «Всё лучшее только у нас». Пять сотен золотых за починку крыши и окон – это грабёж, а не «самая выгодная цена, которую я предлагаю только сегодня и только для вас». Вторая конторка «порадовала» ценой в три сотни золотых, что тоже шибко далеко от грабежа не ушло.

А третья… Третью конторку я выбираю уже тщательно, не бросаясь на золочёные вывески и настойчивые обещания «воплотить все мои мечты». Мечты, конечно, воплотить мне хочется, но не такой же ценой!

В итоге останавливаюсь на неприметных ступенях и добротной дубовой двери, за которой меня ждал коренастый парень с действительно выгодным предложением.

– Сто золотых, и двадцать сверху за срочность, – пожимает плечами детина, едва ли не вдвое выше меня. Кажется, ему вообще не было дела до того, что его коллеги, всего-то одним кварталом выше, драли с наивных граждан три шкуры.

Я соглашаюсь. Да и как тут не согласиться, после пяти да трёх сотен?

Рабочих он обещает прислать через час, а я тем временем отправляюсь в хозяйственную лавку, дабы обзавестись всякой нужной мелочью.

* * *

К дому я возвращаюсь с трепетной надеждой, что рабочих-таки придётся отправить восвояси, но… Надежда решила иначе. Дом больше не дразнил меня призрачным богатством, он сразу показал своё истинное нутро – мхом поросшие стены, да доски трухлявые.

Хотя, буду честной, пока гуляла по лавке, пока торговалась с дюже прижимистым стариком, и пока шла обратно к своему нежданному и негаданному наследству, успела свыкнуться с мыслью, что просто с этим особняком не получится. Что ж, в этом я не ошиблась.

В единственной комнате на втором этаже сгружаю нехитрые пожитки и вновь приобретённые мелочи, которые по размеру холщовой сумы на мелочи вовсе не походили, и спускаюсь вниз. Если верить далёкому бою часов, то рабочие должны вот-вот подойти. Выхожу в палисадник, окидываю печальным взглядом неказистые коряги и тяжело вздыхаю – сколько ж придётся силы потратить, чтобы восстановить погибшие деревья, даже представить страшно.

Наконец, напротив дома останавливается гружёная досками да железяками телега, и мне навстречу идёт тот самый детина, пообещавший прислать рабочих.

Я было растягиваю губы в приветливой улыбке, но, глядя на его кислую физиономию, хмурюсь.

– Что-то не так? – говорю вместо приветствия, и детина поспешно кивает.

– Не захотел никто сюда ехать, – машет огромной мозолистой пятернёй и досадливо морщится.

– Почему?

И стоило только спросить мне, как он в удивлении глаза распахивает и раздражённо эдак отвечает:

– Знамо почему – уж больно слава у его обладательницы… – помолчал, подбирая слова, – громогласная.

Я решила немного прояснить:

– Теперь я его хозяйка.

Меня вновь удостаивают удивлённым взглядом, который тут же сменяется показным равнодушием.

– А не важно это. Не пойдёт никто к вам работать, даже если втридорога заплатите.

И так мне заголосить захотелось, на матер плакальщиц, чтоб весь квартал наверняка услышал, да только вместо этого обессиленно опускаюсь на жалобно заскрипевшую ступеньку, и выдыхаю:

– И чего мне теперь делать?

Вряд ли парень ответит мне, да и ответ, как таковой, не требовался, по крайней мере, на этот вопрос. Не его ж это забота.

– Так я, это, и сам сделаю, правда не так быстро, как если б мужики пришли, но…

– Правда? – поднимаю затуманенный от слёз взгляд и прямо-таки не верю своему счастью.

– А чего б мне врать? Правда. Только ты скажи, хозяйка, чего тебе в первую очередь сделать надо, с того и начнём.

Хотела сказать, что сперва о тётке моей покойно расскажи, а потом уж за работу примешься, но… Слова будто в горле застряли, а потом и вопросы путные из мыслей выветрились. Чертовщина, да и только. Пришлось вставать, отряхивать

подол юбки и указывать на окна:

– Сначала битые стёкла заменить надо, и дверь, а остальное – потом.

Если уж я решила в этом доме жить, то хоть уверенной надо быть, что ночью никто пришлый в жилище моё не пролезет.

Работал Тимоха, как он представился чуть позже, споро и ладно. Правда хмурился сильно, да оглядывался то и дело, будто ожидал какого нападения. От меня что ли? Да это ж смешно, честное слово, я едва ли ни в два раза меньше его, могу разве что укусить, да и то, боюсь зубы себе обломаю.

Но к вечеру мы с ним распрощались весьма дружелюбно и сговорились встретиться завтра ближе к полудню.

Стоило закрыть за ним дверь (новенькую и крепкую), как я замираю на месте и долго осматриваю комнату. Странное дело – вроде поменялось только пару стёкол в раме окна, а гостиная будто ожила. Будто задышала как-то иначе – довольством и спокойствием. И стены, пусть с облезшими обоями, а местами и отвалившейся штукатуркой, потеплели. Я прикладываю руку и неожиданно сама для себя произношу:

– Давно ты стоишь никому не нужный?

И дом жалостливо скрипит, подтверждая мои догадки.

Собственно, о своей тётке я ровным счётом ничего не знаю, хотя бабушка часто бывала у нас, да и мы у неё гостили нередко. И в те дни она любила сажать меня на колени и рассказывать о днях прошлых, давно в лето канувших.

А о сестре, родной своей крови, бабушка Аделаида молчала. Будто и не существовало на свете никакой Дайаны.

У кого теперь узнать про неё? Бабушки давно нет, как и мамы.

И стоило мне подумать об этом, как камин загудел, закряхтел, да выплюнул прямо к моим ногам пыльную чёрную тетрадь.

Я таки пугаюсь, вжимаюсь в стену, и стою так несколько минут к ряду. Потом усмехаюсь собственной трусости и подхожу ближе. Нагибаюсь, поднимаю тетрадь и вытираю её о подол изрядно запылившейся юбки.

На поверку, кожа, что обтянула толстобокую книжонку, оказалась вовсе не чёрной, а тёмно-синей, с прожилками золотых нитей по краям. И несмотря на своё неуместное пребывание в жерле камина, красоты тетрадь не утратила, напротив, сажа на кончиках белых листов её будто солиднее сделала.

– Хочешь, чтобы я это прочитала? – бормочу, неизвестно к кому обращаясь. И дом вздыхает, одобрительно так. Потом камин, осчастлививший меня нежданной находкой, кряхтит, чихает и… загорается ярким пламенем, залив комнату тёплым светом.

Отчего-то, вместо страха положенного, улыбаюсь, и усаживаюсь прямо на пол, возле уютно потрескивающих брёвен.

Дом, силой наделённый, мне доводилось видеть всего раз, и то, это было в далёком детстве. То поместье выглядело более обветшалым и зловещим, как мне тогда показалось. Мама, приехав туда вместе с бабушкой Аделаидой, крепко сжимала мою руку и приговаривала:

– Наступай осторожно, дому очень больно.

Бабушка же на её слова недовольно кривилась, но переставляла ноги медленно, стараясь не тревожить старые прогнившие доски. В силу возраста я была весьма любопытной, а потому долго не желала замолкать и всё спрашивала матушку, почему же дому больно.

Тогда-то она и рассказала мне, что давным-давно дома наделяли силой и разумом. Дескать так было проще управляться с хозяйством, да и гости непрошенные порог такого жилища никогда переступить не могли. Но было это давно и сейчас таких домов почти не осталось.

А почему не осталось, мама отвечать так и не захотела, мол маленькая я ещё, вот вырасту, тогда пойму.

Вырасти-то я выросла, помниться даже как-то пыталась «оживить» дом дяди Росма, за что получила взбучку, но так и не поняла, что же в этом плохого. Зато сейчас, сидя на пыльном полу и выслушивая жалобные стоны особняка, догадалась, что дело в характере, который домам вместе с разумом доставался. Вот так обидишь ненароком своё жилище, оно возьми, и превратись из добротных апартаментов в какую-нибудь развалюху.

Камин зашипел, будто мысли мои подслушал, и недовольно фыркнул. Пришлось вернуться к делам насущным.

Тетрадь я открываю с опаской. Сдуваю надоедливую сажу, протираю для верности рукавом и вчитываюсь в поблёкшие от времени строки.

«Сей талмуд содержит душевные излияния Дайаны Ларнесс, единственной чёрной ведьмы в потомственном роде фей».

Сердце кульбитом забилось где-то в горле, и волосы на голове зашевелились… А ещё ноги одеревенели и язык присох к нёбу.

Ведьма? Чёрная?!

Талмуд летит в камин, который тут же обиженно тухнет, а я подскакиваю на ноги, и бегу к двери. Со всей силы дёргаю ручку, что, как назло, заело, поворачиваю туда-сюда и понимаю, что дело вовсе не в ручке, что меня попросту запер сам дом.

И как-то разом все странности, до того мучавшие меня, прояснились. И вселенское облегчение Шмота, от бумаг на дом избавившегося, и непонятно откуда взявшаяся любезность управляющего банка, и страх рабочих, оказавшихся ступить под крышу жилища, что некогда принадлежало… ведьме!

Но это ведь невозможно. Никак. Нет, чёрные ведьмы в природе существовали, когда-то давно, да и сейчас они, наверное, есть, только… Не бывает ведьм полукровок. И в семье фей такая никак родиться не могла. Это противоречит всем канонам и правилам, что ни одно столетие открывались да доказывались.

А если и попрать все эти учёные выверты, то родись в семье фей ведьма, чёрная к тому же, её бы тут же отправили за границу Проклятых гор. Вместе с матушкой и батюшкой, такое чудо породившими. Да что там говорить – со всем семейством вкупе, чтоб и следа от рода этого в королевских архивах не осталось.

И… И… И вообще! Ведьмы – зло! Им жить среди люда честного, и тех, кто к честности никакого отношения не имеет, не положено! Не положено и всё тут!

– Пусти! – пищу придушенно, словно мышь в мышеловку пойманная.

Собственно, от серых вездесущих тварюшек я сейчас мало чем отличаюсь – чем эта громадина не клетка?

Дом на мою просьбу вздыхает, осуждающе так, но дверь открывать не спешит.

– Пусти… – повторяю, но уже мягко, заискивающе, и добавляю: – пожалуйста.

Стены гудят недовольно, готовые вот-вот рассыпаться прахом на мою голову, и тихо щёлкает замок.

Выбегаю из двери, кубарем скатываюсь по скрипучим ступеням и замираю посреди палисадника с корягами. А стоило прохладному ночному воздуху коснуться разгорячённой кожи, как паника и наваждение схлынули, будто их и не было.

И подумаешь… Ведьма. Что уж тут особенного? Раз тётка в самой столице прижилась, и никто её за границу Проклятых гор не выдворил, так чего мне бояться? Что репутация у неё была сомнительная, судя по всеобщей «искренней любви», не беда. Я-то не ведьма, и совсем не мстительная. Хотя последнее утверждение правдиво лишь отчасти – кому не доводилось совершать мелкие пакости в ответ на пакости большого и малого размера? Но это же не делает меня ведьмой, тем более чёрной!

В дом я возвращаюсь быстро, по большей части от того, что начинаю подрагивать от прохлады. Погода хоть и стоит тёплая, а всё одно – с наступлением сумерек от дневной жары не остаётся и следа. Видать стихийники

что-то напортачили со своими экспериментами. Во всяком случае, любую непогоду принято на них спихивать, да и кого ж ещё винить в таких случаях?

Подхожу к двери, осторожно касаюсь ручки и тут же отдёргиваю пальцы – витая железяка настолько холодная, что кожу едва ли ни обжигает колючими снежинками.

– Ну… – бормочу, пряча взгляд от стыда не менее жгучего, чем температура ручки, – Прости уж меня. Я ж… не часто узнаю такие новости о собственных неведомых родственниках.

Если уж быть откровенной, вряд ли я когда-то думала, что семья моя, по всем правилам и приличиям совершенно обычная, может хранить такие секреты.

Дом кряхтит, даже крыша будто съезжает чуть набок, но дверь открывается.

В комнате вновь горит камин, а возле него на полу лежит тетрадь с исповедью чёрной ведьмы, случайным, не иначе, образом, затесавшейся в моё семейство.

Вздыхаю, опускаюсь на грязные доски и вновь беру так испугавший меня талмуд. И аккурат под первой строчкой читаю:

«Ведьма я хоть и злопамятная, но зазря никого обижать не стану. Только по делу».

Фух… Успокоила, теперь-то можно не бояться, что меня случайным образом заочно проклянут, ведь я как бы не заслужила.

Камин насмешливо, как мне показалось, плюётся искрами, и я с сомнением смотрю на него.

Что? Я уже успела что-то натворить на целое проклятье? Когда это?

Дом кряхтит, скрипит и доски под ногами ходят ходуном.

Весело им, понимаешь ли… А я вот боюсь, хоть и не так сильно, чтоб бежать без оглядки, но всё же.

Глава 5

А дел, за которые Дайана весьма щедро «одаривала» всех встречных и поперечных, набралось много. Пожалуй, даже слишком для одной, пусть хоть и чёрной, ведьмы.

Сначала объектами мести были гувернантки, чьи имена выстроились длинной вереницей на две страницы. Потом этот список дополнили несколько кухарок, пару садовников, и конюх, молодой и больно ушлый, как приписала ведьма кривым почерком. Сдаётся мне, мой прадедушка, отец этой злопамятной особы, в своё время замучался менять прислугу.

Сестру свою, Аделаиду, Дайана тоже не забывала. То прыщ наколдует, то икоту, то кошмарами припорошит безмятежные девичьи сны. Только несмотря на всё это, Аделаиду она любила. Весьма странной любовью, как по мне, но… Не возьмусь судить об этом.

Собственно, Дайана в своём дневнике была довольно откровенна. То ли думала, что никто и никогда не прочтёт сие творение (хотя предупреждение на первой же странице этого не предполагает), то ли просто считала, что ничего-то особенного она не делала. Да и правда, что ж тут страшного, когда проснувшейся силой пользуешься и получаешь от этого удовольствие? Жаль только, что наслаждаешься только ты, а все остальные разгребают последствия твоего наслаждения, но то уже мелочи жизни, совсем не интересующие чёрную ведьму.

К слову, все заклинания, которыми она награждала то очередную гувернантку, то кухарку, то садовника, Дайана записывала тут же, под краткой исповедью. И заклинания эти подробно разбирались, даже ошибки учитывались, чтобы в будущем их больше не повторять.

Записи обрывались ровно там, где аккуратно было выведено: Моё шестнадцатилетие! Вокруг этой строчки имелись и цветочки нарисованные, и птички, и черепушки с костями. Последних, должна заметить, было куда больше, чем цветочков и птичек.

Я листаю тетрадь, кручу страницы и поднимаю их к свету, пытаясь найти ещё хотя бы словечко, но тщетно: откровения Дайаны Ларнесс закончились именно тогда, когда девушке исполнилось шестнадцать лет.

И что же случилось? Почему она перестала вести счёт своим проказам?

Посмотрела на медленно тлеющие угли в камине и задумалась.

Ведь не просто же так бабушка Аделаида никогда не упоминала о том, что у неё была сестра. И сдаётся мне, дело вовсе не в чёрном даре. Здесь что-то другое…

– А больше тетрадей нет? – смотрю с надеждой на огонь, но камин лишь тяжко вздыхает и почти что гаснет.

Так, и что же выходит? А выходит вот что – о тётке я своей хоть и узнала, но знания эти породили куда больше вопросов, чем имелось до этого. И что до этого ответы искать было негде, так и сейчас положение не исправилось.

Печально… Любопытство разыгралось, а погасить его нечем.

С кряхтением, напоминающих тяжёлые вздохи старого дома, поднимаюсь на ноги и отряхиваю юбку. Читая талмуд, потеряла счёт и времени и только сейчас поняла, насколько устала за этот бесконечный, напитанный потрясениями и приключениями день.

Проверяю дверь, обхожу все комнаты, чтобы убедиться, что сделанные Тимохой окна никуда не делись, и иду наверх. Там кое-как ополаскиваюсь в худом тазу, делая себе заметку, что завтра стоит озадачиться вопросами гигиены куда тщательнее. В комнате скидываю с кровати покрывало, достаю из сумки простынь, что прикупила в лавке, аккуратно расстилаю. Ни подушки, ни одеяла у меня не было, зато имелась тёплая жилетка, которую я скрутила валиком и сунула под голову, а накрылась огромным пуховым платком, что достался мне ещё от матушки.

Думалось, что уснуть, из-за копошащихся мыслей у меня не получится, но глаза закрылись сами собой, стоило коснуться «подушки».

Не знаю, сколько удалось мне поспать, только просыпаюсь я как-то резко, будто от толчка. А вслед за пробуждением, до слуха доносятся шаги… Тихие, едва различимые… Потом скрип и ругань вполголоса…

Слов, конечно, я не разбираю, но и того, что слышу, вполне хватает, чтобы испугаться до смерти.

Это что же выходит? Что кто-то пробрался в дом? Я ведь сама проверила дверь, она была закрыта! И окна тоже!

А дом? Почему дом его пустил?!

Прикасаюсь к обветшалому дереву, но оно холодное, и будто мёртвое… Неужели мне беседы, камин сам по себе разгорающийся, и тетрадь тётушки – всё это привиделось? Почудилось просто от усталости?

Да нет же! Не могла же я умом тронуться за какой-то один день? Или могла?

Вновь скрипят половицы, и я подпрыгиваю на кровати. Лихорадочно осматриваю комнату и хватаю первую попавшуюся деревяшку, что некогда служила балясиной у парапета лестницы.

Допустим, я сошла с ума, вот только это не отменяет того, что мне нужно выдворить из дома неведомого гостя. Или хотя бы выбраться из дома самой, а там, на улице, можно кричать и визжать, чтобы привлечь внимание честного люда. О том, что в сером квартале таких жителей нет вовсе я стараюсь не думать.

Сердце колотиться быстро-быстро, но я выхожу из комнаты и останавливаюсь наверху. Замираю, лишь на мгновение, и храбро, насколько это вообще возможно, иду вниз.

Шаг, другой, третий. Лестница молчит, под ногой не скрипит ни одна доска, не шуршит слезшая краска на ступенях.

Неизвестного гостя не видно и не слышно. Спускаюсь вниз, смотрю на приоткрытое окно и уже делаю шаг к нему, видя в нём своё спасение, как

позади меня кто-то кашляет и буднично, вполне себе спокойно, спрашивает:

– Кто вы такая?

Сердце ухает куда-то в пятки и я с диким криком, что оглушает меня саму, замахиваюсь деревяшкой и бью наотмашь. Удар выходит глухой, а вслед за ним, неизвестный посетитель удивлённо, как мне почудилось, крякает и… падает к моим ногам.

Я вновь кричу, разом перепрыгиваю через упавшего мужчину, и бегу к двери. Распахиваю её, выскакиваю на скрипучее крыльцо и… замираю. Палисадник, и так имевший вид не особо благопристойный, вовсе подурнел. Корявые ветки срослись между собой, образуя глухую непроходимую стену, настолько плотную, что улицу Серого квартала никак не разглядеть.

Похоже, умом я всё же тронулась…

Последнее, что помню, это подступившую к самому горлу дурноту и стремительно раскачивающееся небо. А ведь я и подумать не могла, что однажды превращусь в кисейную барышню.

* * *

Что-то скользкое и довольно холодное касается лица. Не противно, а напротив, довольно приятно. Освежающе, я бы сказала. Но говорить не хочется, как и глаза открывать, как и выбираться из кокона темноты, где так приятно и совсем не страшно.

Потом, совершенно неожиданно, ха-ха-ха, вспоминаю об обстоятельствах, загнавших меня в этот уютный кокон, и не только глаза сразу открываю, но ещё и вскакиваю, чтобы тут же с подозрительным звоном столкнуться с чьей-то посторонней макушкой.

– Ай!

– Ш-ш-ш!

Раздаётся одновременно.

Дабы не причинять себе очередную порцию боли, отползаю так быстро, как это вообще возможно в положении лёжа на спине.

– И откуда в худосочной истеричке столько сил? – раздражённо бормочет мужчина, именно тот, которому досталось от меня увесистой балясиной по голове, пока я пытаюсь сбежать подальше.

И только из-за желания своего, не сразу вникаю в им сказанное, а когда «ласковые» слова вдруг становятся понятными, резко останавливаюсь и хриплю:

– Это с чего вы взяли, что я истеричка?!

Конечно, вопрос этот совсем неуместный, и лучше бы мне не останавливаться, а вскакивать на ноги и нестись куда подальше без оглядки, но… То ли дело в тётушкином дневнике, прочитанном несколькими часами ранее, то ли и я являюсь феей лишь наполовину, только бежать перехотелось, а вот настучать по голове, что ругательства в мою сторону извергает, захотелось вновь.

Вопрос мой проигнорировали, лишь скривились, многозначительно так, отчего пуще прежнего обидно стало.

– Поклёп! Я требую ваших извинений! – выкрикнула громко, чтобы смысл сказанного точно дошёл до адресата.

Но адресат умело прикидывается глухим, или слабоумным (тут я точно ответить не могу), и поднимается на ноги. Роста он оказался внушительного, тем более для меня, сидящей на трухлявом полу.

Мужчина, значит, поднимается, потирает пятернёй огромную шишку, что смотрится куда внушительнее его внушительного роста, и говорит, спокойно и вполне себе уверенно:

– Что ты тут делаешь?

Ни тебе вежливого обращения, ни вины, которой прямо-таки должен фонтанировать его голос, я не обнаружила. А потому набираю полную грудь воздуха и уже готовлюсь вывалить на ночного посетители все ругательства, услышанные мною за короткую и очень насыщенную жизнь, как меня перебивают с ещё большим пренебрежением:

– Только не кричи, у меня со слухом всё в порядке.

Я сдуваюсь, как дикий огурец, если шлёпнуть по нему ногой, и бурчу, поднимаясь с пола:

– Живу я тут.

В предрассветной полутьме лицо мужчины кажется каким-то серым, и глаза будто белесой плёнкой затянуты. Да и сам его вид намекает на болезнь, в могучем теле притаившуюся. Отчего-то страх, до сей минуты всё ещё сжимающий сердце настырными щупальцами, гаснет. А на его месте появляется несвойственное мне желание помочь.

Нет, на меня и раньше, бывало, находили приступы неведомой добродетели, но направлены они были на людей знакомых, а никак не на первых встречных, к тому же влезших ночью в мою обитель.

Да только какими бы ни были правильными доводы разума, желание это никуда деваться и не подумало.

– Давно? – незнакомец хмурится, покачивается и кое-как хватается за стену, пытаясь удержаться на ногах.

– Так вчера заселилась, – лепечу тоненько, здраво опасаясь, что вот прямо сейчас этот внушительный, а по делу просто малохольный неудачливый грабитель рухнет тут замертво. А мне потом перед стражами порядка оправдывайся, откуда в доме вновь прибывшей в столицу феи труп взялся.

– На каком основании? – хрипловато, явно с трудом бросает мужчина и таки оседает на пол. Правда сознание не теряет, а всего лишь дышит часто и со свистом.

– Я в наследство его получила, от тётки, – говорю тихо, успокаивающе даже, а сама подбираюсь ближе. Зачем? Сложно сказать… Целителем я никогда не была, а и поди вот так разберись, отчего эдакому детине плохо. Но не бросать же его вот так, как есть?

Мужчина дышать хрипло перестаёт, замирает, а потом глаза открывает резко и подаётся вперёд, хватая меня своими здоровенными ручищами за хрупкие плечи.

– Дайана тётка твоя? – и столько непонятной радости в его голосе, что я пугаюсь пуще прежнего и думаю, что идея с помощью не зря с самого начала казалось мне провальной. Он же просто сумасшедший!

Руки я его осторожно с плеч снимаю, при этом стараюсь улыбаться, чтобы не дай боги не оскорбить душевнобольного, и признаюсь, отползая чуток назад:

– Она самая.

Уточнять, что об этой родственнице я узнала всего лишь сутки назад, не стала. Отчего-то мне кажется, что эта новость ему вовсе не понадобится. Но… Лучше бы сказала, тогда бы может быть избежала угрожающе-просящего:

– Приготовь отвар из черноягоды! Сейчас же!

Лапищи его вновь на моих плечах оказываются, а я… Я с трудом сглатываю ставшую вязкой слюну.

Молчу. А что ещё мне остаётся делать?

– Ну! – встряхивает меня так, что зубы клацают.

Приходится сознаваться.

– Не умею я.

Пару мгновений тишины и удивлённое:

– Как это?

Казалось бы, что непонятного в трёх словах «не умею я»? Всё же ясно, как белый день, но нет же, ему разжевать надо.

– А вот так, – развожу руками, насколько это возможно в тисках его немилосердных объятий. – Не умею я отвар делать, и знать не знаю, о какой черноягоде вы говорите.

Во втором я чуть слукавила, о черноягоде мне хоть немного, но всё ж было известно, только знать ему об этом необязательно. Да и никому не надо, честно говоря. Ягодка эта запрещённая, а используют её и вовсе для зелий противозаконных.

Мужчина с минуту смотрит на меня, пытливо так, но я и глазом не веду. В том, что касается закона, я чиста, аки младенец. И никому-то не доказать обратного.

– Лжёшь, – припечатывает и, наконец, отпускает руки.

Я демонстративно потираю плечи, дабы смутить малахольного наглеца, но он смущаться вовсе не намерен. Вздыхаю глубоко, и признаюсь:

– Врать я не приучена, так что вам придётся мне поверить.

Незнакомец приподнимает брови, ухмыляется, и кажется, от ухмылки этой серость да туман в глазах куда-то пропадают.

– Поверить? Чёрной ведьме? – насмехается и от этой насмешки становится… Обидно? Да, только самую малость.

– А я не ведьма, и не чёрная, – возвращаю насмешку, – я фея, потомственная. У меня и документы имеются.

Уголки его губ медленно опускаются, он прислоняется затылком к стене, прикрывает глаза и совершенно не стесняясь говорит:

– Значит дело дрянь.

Соглашаюсь. Так, на всякий случай. С душевнобольными встречаться мне доводилось, но то было в местах людных, а не в заброшенном доме, который десятой дорогой обходят. Поэтому кроме как соглашаться мне ничего и не остаётся.

Минута, другая… Тишина тяготит. И я спрашиваю, шёпотом отчего-то:

– А что за дело?

Мужчина глаза открывает, смотрит на меня несколько мгновений к ряду, потом качает головой и устало выдаёт:

– Не важно, – думает секунду и добавляет: – Уже не важно.

Будь во мне любопытства чуточку больше, я бы непременно спросила, почему дело вдруг перестало быть важным, но… Я вновь поднимаюсь на ноги, подхожу к выходу и открываю дверь:

– Раз это, – говорю вроде уверенно, только неловкость всё равно теснится в груди, – Уже не важно, может вы уйдёте из моего дома? Мне очень спать хочется.

Последние слова выходят такими жалостливыми, что самой себя утешить хочется. Ещё и глупое желание вернуться к дяде Росму появляется, там я хотя бы знала, чего ожидать от ворчливого родственника, не то, что тут.

Ночной посетитель окидывает меня внимательным взглядом, в котором наравне с удивлением плещется что-то ещё, что-то незнакомое прежде. Заминка затягивается, и я уже собираюсь повторить свою просьбу, как мужчина с трудом встаёт, подходит почти вплотную.

– Неужели не боишься? – и губы растягивает в жутковатой улыбке.

Есть за мной такой грешок – устаю бояться. И вот сейчас вновь наступает тот самый момент.

– Почему же, – устало пожимаю плечами, – боюсь. Только спать мне хочется сильнее, чем бояться.

Сомневаюсь, что он проникнется насыщенностью прошлого дня, что я с трудом пережила без сердечного приступа и прочих смертельных хворей. Потому молчу, лишь жду, нетерпеливо вздыхая.

Мужчина вновь улыбается, на этот раз без намёка на сумасшествие и скрытые наклонности душегубца.

– Хорошо, – кивает удовлетворённо, хотя я решительно не понимаю, что же хорошего он видит во всём этом бедламе, и выходит за дверь.

Деревья со скрипом расступаются и корявые ветви возвращаются на свои привычные места. Удивляться я не стала, лишь угрожающе сощурилась, мысленно обещая дому-предателю разобраться чуть позже. И разбирательства эти вряд ли ему понравятся.

Далеко ночной посетитель не уходит, оборачивается, прячет руки в карманы брюк, только сейчас замечаю, что и крой, и сама ткань выглядят модно и дорого. По губам скользит ухмылка:

– Как тебя хоть зовут, потомственная фея?

То ли от взгляда его с задорными искорками, то ли от ухмылки этой, чувствую, что лицо вспыхивает жаром смущения.

– Криска, – бросаю тихо и смущаюсь пуще прежнего, – то есть Кристиана меня зовут.

– Кристиана, значит, – хмыкает понятливо.

– А вы? – спрашиваю зачем-то. Да только ответа так и не дожидаюсь, потому что на дорожке, где ещё мгновение назад стоял мужчина, уже никого не было.

– Чертовщина какая-то, – бурчу тихо и закрываю дверь.

Дом, как мне кажется, вздыхает с облегчением, а я грожу в пустоту пальцем и говорю:

– А с тобой мы потом поговорим!

Наследство моё обещанием прониклось – ни одна доска не скрипит пока я поднимаюсь в спальню. Даже кровать и та молчит несмотря на то, что я, словно змея верчусь на матрасе из стороны в сторону. Но, наконец-то, засыпаю, чтобы проснуться от ярких назойливых лучей солнца. И никаких незнакомце поблизости не наблюдается…

Может быть, мне всё приснилось?

* * *

Я долго лежу на кровати, пока мне это не надоедает. Потом поднимаюсь, усаживаюсь на краю матраса и спрашиваю:

– Что скажешь в своё оправдание?

Пока лежу, вспоминаю всё что произошло прошлой ночью до мельчайших подробностей. И с каждой минутой тревожусь всё больше. Если дом живой, магией наделённый, а по всему выходит, что сообразительность особняка и его строптивый характер, мне вовсе не привиделись, то как же он пустил незнакомого человека? А из этого вытекает другой вопрос – какие же отношения связывали его с Дайаной, раз он не побоялся прийти к ней за помощью?

И сколько ещё таких «близких» знакомых у покойной тётушки имеется? Надо же мне как-то подготовиться к нашествию ночных гостей.

Дом молчит, пыхтит жалостливо, но выдавать секреты прежней хозяйки совсем не торопится.

– Так значит? – щурюсь недовольно и встаю на ноги. – Хорошо, – пожимаю плечами, – похоже мне тут не рады. Пора возвращаться в деревню к дяде Росму.

Конечно, я не думала, что старая развалина так легко сдастся, но… Дом шипит, шатается и принимается каяться во всех грехах разом, даже в тех, которые меня совсем не волновали и ни коем образом не касались.

При Дайане ему жилось хорошо, сытно. Ведьма щедро делилась магией, да и когда не делилась, хватало спонтанных выбросов от проклятий, которые бывшая хозяйка раздавала направо и налево. Один такой выброс стоил особняку собственного места. Буквально. Не рассчитала ведьма сил, да и занесло её из квартала богатого, к ворам, жуликам и прочему отребью вместе с домом. И сколько Дайана не пыталась вернуть всё как было, у неё не вышло.

Собственно, отсюда и начались беды да несчастья.

Люд к дому чёрной ведьмы, что волею случая и неосторожного колдунства оказался в Сером квартале, потянулся сомнительный и даже опасный. Но опаснее всех был этот, который сегодня ночью приходил. По крайней мере, Дайана его и боялась, и уважала больше прочих.

– И кто же он? – спрашиваю, словно одолжение оказываю, чтобы наследство моё вдруг не решило, что жалостливыми рассказами способно разжалобить доверчивую фею.

Дом вновь ворчит, даже не пытаясь скрыть горечь обиды.

Оказывается, Дайана, несмотря на вспыльчивый характер и великое бесстрашие, была особой довольно осторожной. И в некоторые тайны, что не имели, как я подозреваю, конца и края, не посвящала даже разумное имущество.

Но дом запомнил её указания намертво – этому гостю перечить нельзя. Ни по какому случаю и не под каким предлогом.

Исповедь заканчивается, так и не привнеся ясности в главный вопрос – кто же такой этот ночной посетитель?

– Имя его ты тоже не знаешь? – спрашиваю, впрочем, без особой надежды.

Вместо слов и ворчания дом вздыхает длинно и печально.

Значит, опаснее других этот, кто приходил…

– А других гостей ты тоже так легко впустишь? Без моего на то согласия? – хмурюсь, и впрямь задумываясь о возвращении к дяде. Вдруг очередной ночной визитёр окажется ещё более сумасшедшим, чем тот, что осчастливил меня своим приходом сегодня? И окажусь я зарытой под кряжистыми корнями старых деревьев… Печальная картина, должна признаться. И жутковатая, чего уж ни говори.

Дом возмущённо трещит, обидевшись на моё предположение.

– И чего обидного я спросила? – удивляюсь вполне искренне. – Если уж ты так чтишь наказы старой хозяйки, то может новая тебе вовсе не нужна?

Особняк затихает, даже проёмы окон опускают уголки к полу, будто наследство моё готовится разрыдаться, как малое дитя. А спустя всего мгновение, дом тоненько просит, я мысленно слышу его просьбу:

«Не надо уходить. Мне очень одиноко».

И столько непролитых слёз в бесхитростных словах, столько боли и страха, что я не нахожу, что ответить. Колкие фразы и обида тухнут, словно свеча на ветру. На смену обиде приходит жалость, и понимание… Я всегда чувствую себя одинокой, с тех самых пор, как не стало родителей.

– Хорошо, – хлопаю по коленям, лишь бы развеять сердечную тоску. – Не уеду. Но и ты больше не пускай никого без моего на то ведома.

Дом смущённо пыхтит, явно желая спросить что-то ещё и я со вздохом добавляю:

– А если не можешь не пустить, то хоть предупреждай меня заранее.

Глава 6

Обиды и недомолвки пришлось оставить. Тимоха заявился чуть раньше обговоренного времени, но у меня и мысли не возникло, спровадить его.

Пока парень занимается крышей, я вооружаюсь найденной в кладовке лопатой, кое-как прилаженными к черенку граблями и ржавым секатором. Инвентарь надо бы закупить, но пока хватит и этого.

Сад за домом, несмотря на торчащие то тут, то там сорняки, в общем и целом, выглядит прилично.

Первым делом расчищаю заросшие дорожки – мурава и клевер срослись тесно, так что ни подлезть, ни подступиться. Но я же фея, пусть и наполовину.

После дорожки подхожу к розам. Кусты распушились, заполонив почти всю огороженную клумбу. Оставить так, конечно, можно, но пройдёт ещё каких-то пару лет, и эта красота попросту выродится.

Осторожно, стараясь не уколоться, разгребаю ветки и обрезаю лишнее. Выкидывать что стебли, что цветы – непозволительная трата. И то, и другое прекрасно подходит для крема и ароматных настоев.

Когда пушистый куст порядком редеет, превращаясь в стройняшку, берусь за нарциссы. Эти привередливые цветы несмотря на то, что вокруг них вольготно разрослись кусты крапивы и пара лопухов, чувствовали себя прекрасно. Словно довольствовались своим видом на фоне невзрачных сорняков. Хотя, так оно и было – цветы с гордостью выпячивали белоголовые макушки, оповещая всех вокруг, что краше их никого нет и быть не может.

Самыми скромными и почти забитыми муравой оказываются незабудки. Нежные голубые лепестки скромно поникли, уже и не надеясь вдоволь насладиться солнечным светом и чистой водой.

К обеду я привожу в порядок лишь две клумбы, и устраиваю в дальнем углу одну новую. Там теперь поселятся и крапива, и лопухи, и парочка мухоморов, найденных совершенно случайно. Ещё бы приобрести корешки ромашки и шалфея, тогда можно будет не заботиться о том, что ингредиенты для крема и лосьонов закончатся в самый неподходящий момент.

Тимоха споро справлялся с большими листами железа, сила искрилась на кончиках пальцев, но уставшим парень не выглядел. Если так дело пойдёт, то уже через пару дней дом будет выглядеть как новенький.

Ближе к закату я, наконец-то, заканчиваю с садом, оставив на потом только мелочи. Долго смотрю на коряги перед домом, решая, нужно ли поделиться с садом силой сегодня, или всё же оставить на потом. Пришла к выводу, что сегодня и так неплохо поработала, и захожу под новенькую крышу обновлённого наследства.

Дом доволен, хоть и пытается это скрыть напускным равнодушием. Но я-то чувствую, как внутри едва ли ни каждой доски клокочет радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/koroleva_anastasiya/lavka-krasoty-margaritki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити